

Татьяна ПАЦАЕВА

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ ...

* * *

На кухне сядем мы, обсудим день и дом,
политику и чай, стихи и вечность.
Я жизнь увижу под твоим углом.
С двух точек видимый, мир обретет объем
и глубину, и бесконечность.

ТАНГО

Когда подлунный мир
залит любовным зельем,
лишь факел поднеси —
и вспыхнувший пожар
собой соединит
и рай, и ад, и землю
и мир объединит
в один волшебный дар.

Прости меня, Господь,
и не завиду́й, дьявол.
Душа так красит плоть,
как бриллиант оправу.

В свой час на небесах,
где танго не танцуют,
нам взвесят на весах
сомненья, боль и страх
и сладость поцелуя.

Как будто новый бог
из глины обожжённой,
бог танго и огня,
тесней сжимает круг,
и мы вступаем в мир,
огнём преображённый,
пред Богом и людьми
единственный мой друг.

Прости меня, Господь,
и не завиду́й, дьявол.
Душа так красит плоть,
как бриллиант оправу.

В свой час на небесах,
где танго не танцуют,
нам взвесят на весах
сомненья, боль и страх
и сладость поцелуя.

* * *

Сегодня над белыми розами
летают лиловые бабочки,
танцуют жуки со стрекозами
и топчут цветочные шапочки.

Сегодня, как мультик Диснея,
мир нежен, изыскан и чист.
По стеблю ползет, не робея,
решительный жук-оптимист.

НА ДАЧЕ

Мягко шины машин прошуршали о щебень,
это гости уехали в черный бархат весны,
я устроилась в кресле и вынула гребень,
погружаясь в усталость и в уют тишины.

Прошлое с будущим пошептались и скрылись,
время замерло в позе удобно простой,
тень стеклянных бокалов прозрачно ложилась
на белевшую скатерть возле ветки густой.

* * *

Уютная печаль...
Пчелой из сладкой кельи
не хочет вылетать
цветочная душа,
а хочет переждать
нектарное похмелье
и патокой печали
залиться не спеша.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ

Родилась я, по-моему, кстати —
в час, когда карнавальные платья
отражались в блестящих шарах,
как в волшебных кривых зеркалах.
Юбилейные свечи в мерцающем круге
теплый дождь новогодний с тех пор обсыпал,
мои праздника два отражались друг в друге
миражом отраженных друг в друге зеркал.

* * *

Серебристая, ночная
наплывает тишина,
и русалочка речная
поднимается со дна.

Лунный блик на коже влажной,
и бледна, и хороша,

так что будто и не важно,
есть ли у нее душа.

И распущенные косы
перекинула на грудь,
а в глазах, слегка раскосых,
то ли нежность, то ли жуть.

Льется странный смех в округе.
Вот он стих, а вот он вновь...
Путник крестится в испуге:
«Тьфу ты, нечисть, рыба́ кровь».

* * *

На стыке разума и тьмы
есть грань, где связь ещё возможна,
где можно очень осторожно
слагать стихи и петь псалмы.

Там можно петь, там жить нельзя,
там преломляется стезя
в холодном омуте лучей,
залитом воском от свечей.